

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании



Ключарёв Григорий Артурович – доктор
философских наук, профессор

E-mail: KliucharevGA@mail.ru

Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании

Аннотация

Воспроизводство и накопление человеческого капитала является одной из важнейших составляющих успеха модернизации. При этом система образования производит основные модернизационные ресурсы, включая человеческий капитал в виде знаний, навыков, технологий, компетенций и т. д. В данной статье показано, чем обусловлены и как формируются образовательные неравенства, какова их положительная и негативная роль в процессах социально-экономических преобразований современного российского общества.

Abstract

The reproduction and accumulation of human capital is the key condition of modernization. The education system provides key modernization resources in the forms of knowledge, skills, technologies, competencies etc. The paper explores education inequalities, their positive and negative functions in the process of systemic modernization of contemporary Russian society.

Ключевые слова: модернизация, человеческий капитал, образовательные неравенства, качество, доступность образования

Keywords: modernization, human capital, education inequalities, quality assurance, access to education

Задача повышения эффективности производства и накопления человеческого капитала в модернизирующихся обществах обусловила резкое повышение интереса к разработке новой образовательной политики. При оценке человеческого потенциала, который по своей сути входит в число основных составляющих успеха модернизации, следует обратиться к теории «человеческого капитала». Предложенная на рубеже 1950-1960-х гг. учёными-экономистами Т. Шульцем и Г. Беккером (см.: [1–4]), эта теория получила широкое рас-

пространение, особенно при изучении трансформационных процессов. Один из ключевых вопросов, который ставится исследователями, – какую роль играют неравенства в процессе производства и накопления человеческого капитала. Иначе говоря, речь идёт о неравенствах в образовании.

Фундаментальная по своей сути проблема социального неравенства в сфере образования проецируется как соотношение между его качеством и доступностью, посредством которых многие политические лидеры охотно определяют национальные приоритеты и институциональные цели. В начале 2000-х гг. официально провозглашалось, что к 2010 г. Европейский союз, благодаря оптимальному соотношению доступности и качества в рамках непрерывного образования, должен стать «самым конкурентоустойчивым регионом в мире, основанном на экономике знаний, что обеспечит достаточное количество рабочих мест и социальное благополучие» (см.: [5]). В то же время практика показала (в том числе и на примере наиболее слабых в ЕС экономик Греции, Португалии, Ирландии), что с учётом национальных и идеологических приоритетов, возможностей конкретных экономик, качество и доступность образования всякий раз существенно отличаются друг от друга.

Концепт равенства изначально предполагал, что возможности всех людей должны быть одинаковыми или, по крайней мере, сопоставимыми от самого рождения. Образованию отводилась основная роль в состязании за место в жизни. Считалось, что реализация индивидуальных судеб сполна определяется полученным на начальном этапе – в период детства и юношества – образованием. Поэтому старая либеральная теория провозглашала равенство возможностей в рамках формального образования, которому отводилась роль «Великого уравнивателя» (Great Equalizer).

Однако многочисленные исследования индивидуальных жизненных траекторий в межстрановом, региональном и культурно-историческом контекстах показали, что на практике географические, национальные, семейные, биологические факторы имеют гораздо большее значение, чем ожидалось. Оптимизм в отношении возможностей образования как социального инструмента постепенно уменьшался. Из «Великого уравнивателя» оно постепенно превратилось в «Большое решето» (Great Sieve), основная задача которого – фильтровать профессиональные судьбы людей по определённым признакам и расставлять их по различным ячейкам общественной структуры.

С конца 1970-х гг. понятие равенства в образовании значительно усложнилось и в рамках современных неолиберальных подходов стало описываться концептом доступности. В оборот были введены новые виды образования – неформальное и информальное. Это позволило реабилитировать принцип равенства, поскольку теперь в образовании, понимаемом

Оптимизм в отношении возможностей образования как социального инструмента постепенно уменьшался. Из «Великого уравнивателя» оно постепенно превратилось в «Большое решето», основная задача которого – фильтровать профессиональные судьбы людей по определённым признакам и расставлять их по различным ячейкам общественной структуры.

предельно широко и расплывчато, мог участвовать каждый человек. Справедливость, по крайней мере, в политической риторике, была восстановлена. Для всех и для каждого появилась возможность учиться в любой период жизни – «от рождения и до последнего вздоха».

Одной из актуальнейших проблем модернизации российского общества становится в этих условиях проблема доступности образования для граждан страны и преодоления существующих в этой области социальных неравенств. Ведь социальные неравенства в современной России исключительно глубоки, присутствуют практически во всех сферах жизни общества и сами по себе являются серьёзным препятствием на пути модернизации. Так, обращаясь к данным Федеральной службы государственной статистики, мы обнаруживаем, что размер дохода на душу населения у 10% самых бедных и 10% самых богатых в современной России отличается в 16–17 раз¹. По данным социологических замеров эта цифра значительно больше и составляет до 30 в среднем по стране (и до ста и более раз в мегаполисах)². Проявляются социальные неравенства и во вне-экономической сфере – в качестве жизни россиян, социально-психологическом состоянии, доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, восприятию жизни в целом. К разряду важнейших факторов, опосредующих типичные для современной России социальные неравенства, относятся не только проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация или уровень дохода, но и различия в уровне образования, в значительной мере утратившего присущие ему функции «социального лифта» и превратившегося в инструмент консервации барьеров между различными социальными и культурными группами. Таким образом, неравенства в доступности образования тем более важны, что сами генерируют новые виды неравенств. Это ещё раз подчеркивает значимость данной проблематики для успешного решения задачи модернизации российского общества.

Образовательные неравенства в модернизированных обществах обычно проявляются в виде ограничения (а иногда и принципиальной невозможности) доступа к качественному образованию. Увеличение объёма платных услуг и рост числа учебных заведений, предоставляющих услуги на коммерческой основе, выводят за рамки соревнования представителей малообеспеченных и низкодоходных семей. Специфика таких неравенств заключается в том, что они имеют кумулятивный (накопительный) характер: возникая на уровне детского сада и начальной школы, они продолжают развиваться и затем закрепляются в старших классах средней школы. Данные под-

¹ Рассчитано по данным Росстата (см.: [6]).

² Рассчитано по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS) 2008 и 2009 гг. (см.: [7]).

тверждают, что сегодня в стране параллельно существуют две системы образования: одна – для образованных и обеспеченных (преимущественно городских) жителей, другая – для малообразованных и небогатых (преимущественно сельских) семей.

Характерно, что данная тенденция наблюдается на всех уровнях общего и профессионального образования (см., например: [8; 9]). Так, около четверти средних школ, расположенных в малых городах и сельской местности, большинство учеников в которых происходит из семей, где родители не имеют высшего образования, плохо обеспечены современным оборудованием и страдают от недостатка квалифицированных учителей. Одновременно в лучших школах (как правило, гимназиях и лицеях) с хорошими показателями качества обучения, солидным преподавательским составом и высоким уровнем текущего (как бюджетного, так и внебюджетного) финансирования, а таких школ примерно 20%, доля родителей с высшим образованием превышает 80%. При этом, с точки зрения душевой стоимости обучения одного школьника, «сильные» и «слабые» школы одного размера, расположенные в одном городе, могут отличаться друг от друга в разы.

Статистика свидетельствует, что сегодня в российские вузы поступают в 2,5 раза больше выпускников «сильных», нежели «слабых» школ. Более того, в национальной системе общего среднего образования сформировались и сосуществуют, как минимум, три типа учебных заведений (см.: [10]):

1. Элитные гимназии, лицеи и спецшколы, как правило, платные;
2. Школы с частично оплачиваемыми услугами или отдельными привилегиями в образовании;
3. Массовые общеобразовательные школы, обеспечивающие минимальный образовательный стандарт.

Естественно, что эти три типа школ предоставляют различные возможности доступа к высшему образованию. Причём выбор вуза, а следовательно, и будущей специальности, предопределяется типом среднего общеобразовательного учреждения: привычная для развитых стран Запада модель «образование – профессия – доход» трансформируется в российских условиях в «доход – образование – профессия», где образование утрачивает изначально присущую ему роль фактора восходящей мобильности (см.: [11]). *Гимназии, лицеи и спецшколы* обеспечивают подготовку для поступления в «престижные» (гарантирующие достижение высокого социального статуса, приличное трудоустройство и быстрый карьерный рост в находящихся на подъёме секторах экономики) вузы; *школы с частично оплачиваемыми услугами* дают шанс на поступление в «непрестижные», лишённые широкой известности и высокого конкурса, а также неперспективные в плане буду-

Сегодня в стране параллельно существуют две системы образования: одна – для образованных и обеспеченных (преимущественно городских) жителей, другая – для малообразованных и небогатых (преимущественно сельских) семей.

щего социального продвижения высшие учебные заведения; наконец, *массовые общеобразовательные школы* практически не оставляют своим выпускникам надежды на поступление в вуз без дополнительной подготовки и значительных расходов со стороны семьи абитуриента.

Подобное деление общеобразовательных учебных заведений и стоящих за ними образовательных траекторий определяет тип неравномерной социальной мобильности и различные социальные перспективы выходцев из разных слоёв и групп общества. Всё это, несомненно, не только дифференцирует учащихся, но и воспроизводит существующую социальную структуру российского общества с присущим ей масштабным социальным неравенством.

Ещё более очевидно *неравенство в доступе к профессиональному образованию*. Особенно это относится к высшему профессиональному образованию, воспринимаемому как основная форма человеческого капитала. Действительно, это своего рода гарантия сохранения достигнутого социального статуса или его повышения, действенный механизм вертикальной мобильности. Последнее десятилетие ознаменовалось в России устойчивым ростом относительной численности студентов, и к настоящему моменту этот показатель, похоже, уже достиг своего максимального значения. Конечно, это можно расценивать как свидетельство увеличения доступности высшей ступени национальной образовательной системы. Вместе с тем, фиксируемый прирост явился результатом не столько государственных, сколько индивидуальных инвестиций населения в образование: так, если в начале 2000-х гг. менее половины вновь принятых в российские вузы студентов оплачивали своё обучение самостоятельно, то в настоящее время – двое из трёх (см.: [12]).

Естественно, что, повышая доступность высшего образования для обеспеченных, принцип платности снижает её для бедных и нуждающихся, представителей неполных семей, детей менее образованных и не имеющих высокого социального статуса родителей, ибо в условиях хронической недостаточности ресурсов вузы вынуждены предпочитать студента, не наделённого способностями, но готового оплачивать своё обучение. Причём речь идёт как о фактической доступности высшего образования (особенно престижного и качественного, отличающегося от массового «псевдообразования», зачастую неспособного дать его обладателям даже минимально необходимого для профессиональной деятельности набора компетенций), так и о неравенстве намерений¹.

¹ Значительная (45% лиц в возрасте 15–35 лет) часть россиян убеждена в том, что для них недоступно *не высшее образование как таковое, а хорошее высшее образование* (подробнее см.: [13]).

Помимо доходов родительской семьи, к категории значимых факторов доступности высшего образования относятся: человеческий капитал родителей, уровень урбанизированности места жительства, успеваемость и качество школьной подготовки потенциального студента, доступные ему «полезные связи». Так, абитуриент, прошедший первичную социализацию в малом городе или сельской местности, имеет, как правило, значительно меньше шансов обнаружить свою фамилию в списке студентов престижного столичного вуза, чем тот, кто, будучи москвичом, с 10–11 класса занимался на организованных при этом вузе подготовительных курсах. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что, по сравнению с серединой 1980-х к началу 2000-х гг. доля иногородних студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, уменьшилась в 2–2,5 раза.

Как следствие, в наиболее уязвимом положении оказываются представители и без того ущемлённых в своих социальных правах, фактически депривированных групп, а именно:

- сельские жители и жители малых городов, удалённых от вузовских центров;
- дети из малообеспеченных семей, в состав которых входят инвалиды, безработные, неквалифицированные рабочие;
- дети из семей с невысоким образовательным потенциалом родителей;
- дети мигрантов;
- дети с плохим здоровьем;
- выпускники учреждений системы начального профессионального образования.

Итак, профессиональное образование становится в современной России частью цикла социального расслоения. Очевидное свидетельство этого – ситуация, складывающаяся в российской системе начального профессионального образования, где доля детей из семей, в которых родители не имеют высшего образования, почти в 15 раз превышает долю отпрысков высокообразованных родителей (см.: [14]). Опираясь на результаты социологических исследований, мы вынуждены, к сожалению, констатировать, что ни введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), ни использование государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) не способствуют пока разрешению (или, по меньшей мере, смягчению) указанных проблем.

Ещё одна особенность образовательных неравенств связана с отсроченным во времени проявлением результатов полученного образования. Эти неравенства можно на-

Профессиональное образование становится в современной России частью цикла социального расслоения.

звать латентными. Речь идёт о возможностях использования тех преимуществ, которые возникают или должны возникать у человека на определённом этапе развития его человеческого капитала, при достижении им того или иного образовательного уровня. Так, по результатам многолетних исследований Д. Л. Константиновского и его сотрудников, существующие стратегии образовательного поведения лишь усиливают неравенства. Чем выше уровень имеющегося образования, тем выше реальные инвестиции как в формальное, так и в неформальное и информальное образование: «не только люди более высокого статуса с большей интенсивностью обращаются к дополнительной подготовке (т. е. продолжают обучение – *авт.*), но и сама эта подготовка по-разному изменяет положение работников, стоящих на разных ступенях социальной лестницы» [15].

Специфика российского социума такова, что наличие диплома, удостоверяющего факт получения того или иного уровня образования, не становится в наши дни «автоматическим пропуском в рай», гарантом нахождения интересной работы, успешного трудоустройства, высоких доходов и общего повышения качества жизни. Не случайно результаты исследований говорят о том, что при прочих равных условиях незащищённость и малообеспеченность концентрируются сегодня не столько в малообразованных слоях, сколько в так называемой «малой России» с её застойной бедностью, узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и зарплату, которую предлагают, где развитый человеческий капитал не востребован пока в массовом масштабе.

Важной проблемой следует считать и более чем скромное качество образовательных услуг, предоставляемых сегодня в России. Одной из главных и уже отмеченных нами тенденций стало формирование и обособление двух подсистем элитного и массового образования. Социологи отмечают, что на фоне массового «движения» молодёжи в вузы происходит широкомасштабное снижение качества обучения¹. Причём не только по массовым гуманитарным, но и по некоторым инженерно-техническим, сельскохозяйственным и медицинским специальностям. При этом качество образования не устраивает зачастую и работодателей, и «поставщиков рабочей силы», и самих выпускников учебных заведений. Так, около трети работодателей оценивают качество образования, полученного их молодыми сотрудниками, негативно, вне зависимости от того, диплом какого вуза имеется. Другая треть считает, что с точки зрения карьеры образование особого значения не

¹ С точки зрения охвата населения образованием разных уровней, Россия занимает в мире одно из ведущих мест: доля россиян с образованием не ниже среднего специального составляет порядка 55%, что в два раза превышает средние показатели по странам Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) (подробнее см.: [14, с. 16]).

имеет. Всё дело, полагают они, в личных характеристиках человека, связанных, например, с его способностью обучаться, осваивать новые знания и приобретать трудовые навыки, а не в «корочке». Некоторые работодатели вообще стараются набирать специалистов откуда угодно, только не из вузов собственного региона, и постоянно твердят о дефиците молодых специалистов, которые ограничены в своих профессиональных и социально-психологических компетенциях (см.: [16]).

Косвенным, но весьма красноречивым показателем качества образования является вектор воздействия полученного образования на величину заработков. Как правило, более высокое и качественное образование обеспечивает его обладателю более высокую заработную плату. Однако российская специфика вносит здесь свои коррективы. Например, на уровне среднего профессионального образования «премия» почти не заметна. Это, несомненно, подтверждение того, что значительная часть выпускников этих типов образовательных программ не получают знаний и навыков, востребованных и хорошо вознаграждаемых на рынке труда.

Складывается впечатление, что учебные заведения России и отечественный рынок труда находятся на разных планетах. Дело в том, что последние десять лет система образования развивалась неадекватно потребностям экономики не только по качеству, но и по структуре подготовки специалистов. Как следствие – постоянно увеличивающийся разрыв между тем, кем люди хотят быть; тем, кто, по прогнозам государственных органов, нужен экономике; и теми, кто в итоге оказывается на рынке труда.

Такая ситуация складывается по причине того, что *система образования ориентируется на воспроизводство самой себя и лишь частично – на спрос со стороны потребителей её услуг, т. е. учащихся*. Последние плохо представляют объективную ситуацию на рынке труда и его прогнозируемое состояние к моменту получения ими диплома об окончании учебного заведения. Плохо отлаженный механизм информирования о специфике спроса на труд приводит к тому, что люди выбирают профессии интуитивно, исходя из соображений популярности или, как иронично отметил Н. Е. Покровский, ничем не мотивированного *каприза* (см.: [17]). Стремясь поступить на престижные факультеты и кафедры престижных вузов или просто получить вожделенный диплом о высшем образовании, до сих пор воспринимаемый многими как «путёвка в жизнь», молодые люди не задумываются, нужно ли будет в их работе образование этого уровня как таковое. Не догадываются они и о том, что чем дальше, тем меньше они будут востребованы на рынке труда, ибо уже сегодня мы говорим о явной избыточ-

Система образования ориентируется на воспроизводство самой себя и лишь частично – на спрос со стороны потребителей её услуг.

ности специалистов с высшим образованием¹. В какой-то мере виновниками происходящего можно считать и отечественных работодателей, убеждённых в том, что диплом есть показатель общей культуры, и предпочитающих принимать на работу соискателей с высшим образованием даже в тех случаях, когда специфика рабочего места вовсе не требует его наличия.

Летом 2009 г. в некоторые столичные вузы было подано до 60 тыс. заявлений, тогда как многие региональные техникумы и профтехучилища не смогли набрать себе студентов и вынуждены были продлевать набор (см.: [19]). Вместе с тем, даже в условиях относительно благополучного московского рынка труда, готового к массовому «поглощению» высококвалифицированной рабочей силы, более половины (57,8%) свободных рабочих мест приходится, как и прежде, на рабочие профессии (см.: [20]). Современной Москве требуется порядка 9,8 тыс. водителей, более 4,6 тыс. грузчиков, без малого 14 тыс. подсобных рабочих, значительное количество представителей иных рабочих специальностей – слесарей, продавцов, монтажников, строителей. Именно поэтому большинству выпускников российских вузов приходится работать не по специальности², а некоторым – вообще занимать рабочие места, не требующие высшего образования.

Эксперты опасаются, что стремление абитуриентов учиться только в столичных вузах, помноженное на демографический спад, подорвёт не только системы начального и среднего профессионального образования, но даже высшего образования в других регионах. Кроме того, диспропорции в части распределения обучающихся и обученных наблюдаются не только между различными уровнями национальной системы образования, но и внутри них. Наряду с престижными и востребованными, готовящими юристов, экономистов, менеджеров, имеют место быть и так называемые «непрестижные» вузы. К таковым общественное мнение относит по инерции, например, учебные заведения инженерных специальностей, имевших наибольший удельный вес в системе советского высшего образования, но утративших былую популярность в условиях стагнации производства.

Таким образом, *национальная система профессиональной социализации малоэффективна, разбалансирована, функционирует в условиях отсутствия связей с потребностями*

¹ Так, к концу 2007 г. система высшего образования обеспечивала подготовку специалистов на 60%, тогда как структура потребностей отраслей экономики в специалистах с высшим образованием составляла всего 35%. В то же время учреждения среднего профессионального образования обеспечивали подготовку специалистов лишь на 13% при наличии потребности в 45%, а начальные учреждения профобразования – на 15% при потребности в 20% (см.: [18]).

² Более половины студентов выпускных курсов вузов убеждены, что *по специальности работать не будут никогда*. Шансы получить работу в соответствии со своими желаниями и запросами сразу после получения диплома выпускники оценивают в среднем на 3,6 (из 5-ти возможных) балла (подробнее см.: [16]).

общества. Дисбаланс между профессиональным выбором человека и возможностями его реализации затрудняет процессы формирования стабильных и устойчивых профессиональных групп, а, в конечном счёте, ведёт к атомизации и дезинтеграции общества, угрожает нарастанием экономической и социальной маргинальности и нестабильности.

В контексте российской модернизации наблюдаются признаки того, что *асимметричность образования по оси «доступность – качество» в последние годы усиливается.* Это выражается, прежде всего, в возрастающем интересе к доступности качественного образования (в том числе – и к образованию за рубежом). Как отмечают эксперты, чем образование качественнее, тем оно менее доступно. Данное обстоятельство становится предметом обсуждения на различных конференциях, круглых столах специалистов. Впрочем, это не удивительно. Странно другое. Качество доступного массового образования мало кого волнует. Поставщики образовательных услуг и их потребители мало озабочены этим вопросом, поскольку сложившаяся ситуация, несмотря на её формальное осуждение, о котором уже говорилось выше, на практике устраивает, похоже, всех. Можно сказать, что ценою понижения качества повышается доступность образования. Эти тенденции наметились ещё в советский период развития страны.

Однако наиболее серьёзным вызовом современной системе российского образования является при этом, пожалуй, тенденция, обозначившаяся именно в последнее десятилетие и никак с советским прошлым не связанная. Состоит она в *неуклонно растущих частных вложениях родителей в качественное образование своих детей и самих себя.* По мнению экспертов, это однозначно свидетельствует о целенаправленном воспроизводстве через систему российского образования определённым образом персонифицированных властно-собственнических групп. При этом выходцы из других социальных групп по различным причинам не имеют доступа к качественному образованию и, следовательно, теряют возможность воспользоваться знаменитым «социальным лифтом», о котором любят говорить либеральные политики. Таким образом, в массовых слоях населения происходит лишь простое воспроизводство многочисленных «низов» без положительных трансформаций их социального и экономического статуса. По сути дела, «идёт дальнейшее расслоение и образуется новое неравенство шансов у работающего и подрастающего поколений россиян, что создаёт не просто новую социальную реальность, а реальность гипертрофированного неравенства» [21] (см. также: [22]).

На практике в этих условиях равная (в идеале) доступность образования, знаний и технологий вступает в противоречие с наиболее выгодным, оптимальным в данных условиях, путём использования имеющихся у различных социальных

Асимметричность образования по оси «доступность – качество» в последние годы усиливается.

групп интеллектуальных и материальных ресурсов. В такой ситуации основным средством, которое способно в некоторой степени преодолеть социокультурные, имущественные, территориальные барьеры на пути обеспечения равного доступа к образованию, становится *дополнительное и непрерывное образование* (см.: [23]). Обратимся поэтому теперь к данным социологических исследований для того, чтобы понять, на каких участках индивидуальных жизненных траекторий дополнительное образование может способствовать выравниванию жизненных возможностей? Как часто, кто и за счёт чего его использует?

Исследования показывают наличие устойчивой мотивации к продолжению образования и, таким образом, накоплению человеческого капитала среди значительной части российского населения самых разных возрастов. При этом намерение продолжать образование определяется, прежде всего, родом профессиональных занятий (см. таблицу 1).

Таблица 1

Намерение продолжать образование у представителей различных профессиональных групп, 2009 г., % от работающих¹

Социально-профессиональные группы	Собираются продолжить образование на курсах, в техникуме, вузе в течение ближайших трёх лет			
	Всего	В т. ч. от планирующих обучение:		
		На проф. курсах	В техникуме	В вузе
Управленцы	12	45	0	64
Профессионалы	24	62	0	54
Полупрофессионалы	31	28	1	80
Офисные работники	22	16	21	68
Рядовые работники торговли и обслуживания	22	23	14	64
Работники ручного физического труда	13	26	18	64
Операторы установок и водители	13	14	32	62
Разнорабочие	14	34	25	54

Как видно из данных таблицы 1, управленцы, а также низко- и среднеквалифицированные работники нефизического труда демонстрируют слабые намерения обновления своего человеческого капитала. При этом если подобные намерения

¹ Расчёты на репрезентативной для населения страны в целом базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) проводились В. А. Аникиным. В таблице приведены данные лишь по наиболее массовым социально-профессиональным группам (подробнее см.: [24]).

Основным средством, которое способно в некоторой степени преодолеть социокультурные, имущественные, территориальные барьеры на пути обеспечения равного доступа к образованию, становится дополнительное и непрерывное образование.

у них есть, то предпочтение отдаётся обучению в вузе (что связано с желанием сменить работу), а не различного рода профессиональным курсам – последние интересуют всерьёз лишь профессионалов.

Судя по данным волны РМЭЗ за 2008 г., большинством россиян, намеревающихся продолжить образование, движет не только стремление повысить заработок (73%), но также желание получить новую профессию и расширить кругозор (72%), найти новую работу (65%) и повысить квалификацию (68%). Таким образом, *образование выступает для россиян с точки зрения их мотиваций и как форма инвестиций, и как механизм изменения образа жизни.*

Однако, при высокой значимости для россиян образования как самостоятельной ценности, лишь четверть из них определяли в 2010 г. свои возможности получения желаемого образования как «хорошие»; почти столько же респондентов (21,8%) оценивали такие возможности как «плохие» и 47,4% – как «удовлетворительные»¹. При этом образовательный уровень многих ключевых для успешного решения задач модернизации групп явно недостаточен – так, по данным статистики, доля лиц с высшим образованием, занятых в управлении, составляет в России менее 40%, а в промышленности их доля – 18%, что даже меньше, чем в торговле (см.: [25]).

Если рассмотреть мотивацию групп работников с разным уровнем образования, одна из которых включает лиц со средним общим, неполным средним и начальным образованием, а другая – со средним специальным и высшим образованием, а также лиц, имеющих учёную степень, то видно, что высокий образовательный уровень чаще связан с положительным отношением к продолжению учёбы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Отношение к продолжению учёбы в зависимости от уровня имеющегося формального образования, 2010 г., %²

Отношение	Образование	
	Ниже среднего специального	Выше среднего общего
Скорее положительное	38,5	61,5
Скорее отрицательное	45,6	54,4

¹ Данные общероссийского исследования Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (март 2010 г.) Опрос репрезентировал население страны по территориально-экономическим районам, а внутри них – по полу, возрасту и типу образования.

² Данные опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Образование выступает для россиян с точки зрения их мотиваций и как форма инвестиций, и как механизм изменения образа жизни.

Представляет интерес зависимость способа, которым россияне пополняли свои знания, и типа поселения, где они проживают. Разумеется, в сельской местности институциональное (формальное) образование менее доступно, чем в городе. Однако при этом в сельских населённых пунктах наиболее высока доля лиц, которые компенсировали недоступность формального образования самостоятельной учёбой (11%), включая даже платные частные уроки. Видимо, в последнем случае использовались, прежде всего, возможности дистанционного образования через интернет. Это новая и перспективная тенденция, свидетельствующая о способности в будущем части сельского населения выступить актором модернизации жизни российского села. Кроме того, число лиц, освоивших новую специальность, в областных центрах сейчас выше, чем в мегаполисах с их уникальными возможностями для обучения. Видимо, это объясняется тем, что в мегаполисах легче найти работу по уже имеющейся специальности, а не тратить силы и время на переподготовку.

Представления россиян о роли образования в жизненном успехе позволяют полнее понять их мотивацию в отношении своего человеческого капитала и перспективы развития ситуации с человеческим потенциалом российской модернизации в целом. Так, позитивные, оптимистические представления о будущем заметно преобладают среди тех, кто за последние три года так или иначе получал дополнительное образование. При этом не участвовавшие в дополнительном образовании примерно в 10 раз чаще ожидают, что их жизненные условия и возможности в будущем ухудшатся (см. таблицу 3). Кроме того, исследования выявили взаимосвязь способности к мотивированной учёбе с восприятием мероприятий модернизации. Те, кто выражают желание продолжать обучение в свободное время, положительно встречают социальные и экономические перемены и стараются им соответствовать.

Таблица 3

Представления россиян об индивидуальном будущем в зависимости от участия в системе непрерывного образования, 2010 г., %

Группы	Жизнь улучшится	Жизнь станет хуже	Всё останется без изменений
Участвовали в дополнительном образовании за последние 3 года	24,3	6,9	68,8
Не участвовали в дополнительном образовании за последние 3 года	14,0	60,6	25,4

Парадоксально, что обеспокоены недоступностью необходимого им образования сегодня в России преимущественно люди, постоянно участвующие в различных формах образовательной активности. Иными словами, это те, для кого образование – само по себе важная ценность, и они боятся утратить к нему доступ. С другой стороны, тревожен, с учётом задач становления в ходе модернизационных преобразований инновационной экономики («экономики знаний»), тот факт, что, отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете свои возможности получения желаемого образования и необходимых знаний?», только 18,4% назвали эти возможности «хорошими».

Насколько обоснованно беспокойство россиян по поводу недоступности для них необходимых им образования и знаний – притом, что именно непрерывное обновление своих знаний позволяет им чувствовать себя в современных условиях более уверенно? Что в реальности происходит с человеческим капиталом российских работников, измеряемом как в показателях потока его накопления, так и в показателях запаса?

Чтобы ответить на эти вопросы Ю. В. Овчинниковой была разработана специальная методика, позволяющая оценить динамику ситуации с человеческим капиталом в России. Её применение показало, что, несмотря на рост показателей накопленного человеческого капитала, связанный с общим повышением образовательного уровня населения, активность по накоплению человеческого капитала на протяжении последних 5 лет значительно спала. Иначе говоря, присутствуют две разнонаправленные тенденции: наращивание объёма человеческого капитала, полученного в рамках системы основного формального образования, с одной стороны, и снижение доли населения, предпринимającego реальные действия по его обновлению в ходе дополнительного, неформального или информального образования – с другой. С позиции же мотивации процесса накопления человеческого капитала можно зафиксировать преимущественно непроизводительную по мотивам природу накопления в современном российском обществе, т. е. массовая ориентация на получение высшего образования выступает сегодня в России скорее культурной нормой, связанной с ценностью для россиян интересной работы, или же «статусным фильтром», чем реальной инвестицией¹.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что *в период 2002-2012 гг. в российской образовательной системе сформировался ряд негативных тенденций, ставящих под вопрос эффективное использование способностей населения и его тяги к получению образования в целях модернизации. Особенно опасно развитие этих тенденций с учётом того, что человеческий капитал является важнейшим ресурсом модернизации, как экономики, так и общества в целом.*

¹ Расчёты на репрезентативной для населения страны в целом базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) проведены Ю. В. Овчинниковой (подробнее см.: [26; 27]).

Парадоксально, что обеспокоены недоступностью необходимого им образования сегодня в России преимущественно люди, постоянно участвующие в различных формах образовательной активности.

В период 2002-2012 гг. в российской образовательной системе сформировался ряд негативных тенденций, ставящих под вопрос эффективное использование способностей населения и его тяги к получению образования в целях модернизации.

Библиографический список

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – С. 49–155.
2. Mincer, J. Schooling, Experience and Earnings. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1974.
3. Schultz, T. W. The Economic Value of Education. – N.Y.: Columbia University Press, 1963.
4. Schultz, T. W. Investment in Human Capital: the Role of Education and of Research. – N.Y.: Free Press, 1971.
5. Телегина Г. В. «Образование в течение жизни»: институализация в европейском контексте и её оценка // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Под ред. Г. А. Ключарева. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 22–30.
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS). 2008-2009. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (2.12.11).
7. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS). 2008-2009. URL: <http://www.hse.ru/rlms>. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004.
8. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Бег с препятствиями. Кому доступно качественное общее образование // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 142–158.
9. Чередниченко Г. А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. 1999. № 1/2. – С. 18–19.
10. Вишневский Ю. Р., Шапко В. О. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. – С. 57.
11. Роцина Я. М. Кому в России доступно высшее образование? // Доступность высшего образования в России. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004. – С. 72.

12. Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г., Леонова А. С., Стучевская О. И. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004. – С. 24–71.
13. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее? Доклад Общественной палаты РФ. Ред. Е. И. Ясин, Я. И. Кузьминов, 2008. URL: http://www.hse.ru/temp/2007/files/20071220_report.pdf (20.04.2011).
14. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образовательные и жизненные траектории молодёжи: 1998-2008 гг. – М.: ФГНУ ЦСИ, 2011. – С. 123.
15. Добрынина Е. Научи учёного: Социологи выяснили, какие претензии высказывают друг другу выпускники вузов и их работодатели // Российская газета – Федеральный выпуск. 17 ноября 2007. № 4521.
16. Покровский Н. Е. Храм науки или оптовый рынок знаний? // Философские и социальные науки в университете. – М.: ГУ–ВШЭ, 2002.
17. Шереги Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования // Модернизация российского образования: проблемы и перспективы. – М.: Центр социального прогнозирования, 2010. – С. 212–216.
18. Дураков нет. Российские ПТУ и техникумы пустуют, так как все абитуриенты-2009 предпочли вузы // Новые известия. 21 сентября 2009.
19. Вакансии по укрупненным группам профессий и специальностей (из банка вакансий Московской службы занятости, сентябрь 2009 г.). URL: <http://www.labor.ru/pics2/marketstat142.htm> (20.04.2011).
20. Тихонов А. В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Вып. 8. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – С. 26.
21. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / Под ред. О. И. Шкаратан. – М.: СUIМА, 2003. – 560 с.
22. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: ИС РАН, ЦСИ, 2011.
23. Аникин В. А. Поведение по отношению к своему человеческому капиталу основных социально-профессиональных групп российского общества // X Международная научная

конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3 / Отв. ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

24. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования и отраслям в 2002 г. (по материалам выборочного обследования населения по проблемам занятости; на конец ноября) / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_33/IssWWW.exe/Stg/d010/i010080r.htm (25.11.2011).
25. Овчинникова Ю. В. Динамика накопления разных видов ресурсов населением России: влияние на особенности модернизации страны // Сборник статей аспирантов – 2009. Вып. 2. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009.
26. Овчинникова Ю. В. Динамика накопления человеческого капитала на фоне других ресурсов // Народонаселение. 2010. № 1.